
Ресторан «Славянский базар» и его создатель А.А. Пороховщиков

В.П. Пятнов

Статья посвящена обзору истории московских трактиров и ресторанов, дается характеристика быстро ставшего широко известным ресторана «Славянский базар», его социально-культурной роли в общественной жизни Москвы конца XIX–начала XX вв. Автор уделяет особое внимание главным персонажам — организаторам ресторанного дела в Москве, прежде всего, известному строителю, издателю и общественному деятелю А.А. Пороховщикову.

Ключевые слова: трактир, ресторан, купечество, предпринимательство, благоустройство.

The article reviews the history of Moscow inns and restaurants. Particular attention is paid to describing the renowned "Slavyansky Bazaar" restaurant, its social and cultural role in the Moscow life at the end of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries. The author lays particular focus on the main characters – the organizers of the restaurant business in Moscow and, first of all, the renowned developer, publisher and public person A. Porokhovschikov.

Key words: inn, restaurant, merchant, entrepreneurship, development.

«Для многих москвичей трактир был... «первой вещью, — писал В.А. Гиляровский, — он заменял и биржу для коммерсантов, делавших за чашкой тысячные сделки, и столовую для одиноких, и часы отдыха в дружеской беседе для всякого люда, и место деловых свиданий, и разгул для всех от миллионера до босняка».

Старейшими русскими трактирами в Москве еще с первой половины XIX столетия были «Саратов» и трактиры Гурина и Егорова. У последнего их было два: первый в собственном доме, в Охотном ряду, а второй в доме мил-

лионера Патрикеева на углу Воскресенской и Театральной площадей. Со вторым Егоров расстался, так как приказчик Гурина И.Я. Тестов уговорил Патрикеева отобрать у Егорова трактир и сдать ему. Так возник знаменитый тестовский трактир. В него «повалило» все купечество, а после спектаклей выстраивалась в очередь театральная публика. Вскоре даже петербургская знать во главе с великими князьями специально приезжала из Петербурга съесть тестовского поросенка, раковый суп с расстегаями и знаменитую гурьевскую кашу, которая «кстати сказать, ничего общего с Гурьинским трактиром не имела, а была придумана каким-то мифическим Гурьевым».

Кроме кабинетов, в трактире были две огромные залы, «где на часы обеда или завтрака именитые купцы имели свои столы, которые до известного часа никем не могли быть заняты» [1].

Не менее известным в Москве в XIX веке был трактир «Эрмитаж», основанный французским кулином Л. Оливье (отсюда второе название — ресторан Оливье) и московским купцом Я.А. Пеговым. С 1864 г. ресторан находился на углу Неглинной улицы и Петровского бульвара (д. 29/14, перестроен для ресторана архитектором М.Н. Чичаговым). В апреле 1879 г. москвичи чествовали в «Эрмитаже» И.С. Тургенева. В 1902 г. труппа МХАТа и М. Горький отмечали здесь премьеру спектакля «На дне». У студентов, выпускников и преподавателей Московского университета была традиция отмечать в «Эрмитаже» праздник «Татьянин день» (12/25 января). В 1917 г. «Эрмитаж» был закрыт.

В.А. Гиляровский дает яркие зарисовки московских ресторанов: «Были еще рестораны заго-

родные, из них лучшие — «Яр» и «Стрельна», летнее отделение которой называлось «Мавритания». «Стрельна», созданная И.Ф. Натрускиным, представляла собой одну из достопримечательностей тогдашней Москвы — она имела огромный зимний сад. Столетние тропические деревья, гроты, скалы, фонтаны, беседки и — как полагается — вокруг кабинеты, где всевозможные хоры.

«Яр» тогда содержал Аксенов, толстый бритый человек, весьма удачно прозванный «Апельсином». Он очень гордился своим пушкинским кабинетом с бюстом великого поэта, который никогда здесь и не был, а если и писал

И с телятиной холодной

Трюфли «Яра» вспоминать...

— то это было сказано о старом «Яре», помещавшемся в пушкинские времена на Петровке.

Был еще за Тверской заставой ресторан «Эльдорадо» Скалкина, «Золотой якорь» на Ивановской улице под Сокольниками, ресторан «Прага», где Тарарыкин сумел соединить все лучшее от «Эрмитажа» и Тестова и даже перешеголял последнего расстегаями «пополам» — из стерляди с осетриной. В «Праге» были лучшие бильярды, где велась приличная игра.

Много потом наплодилось в Москве ресторанов и мелких ресторанчиков, вроде «Италии», «Ливорно», «Палермо» и «Татарского» в Петровских линиях, переименованного в гостиницу «Россия». В них было очень дешево и очень скверно. Впрочем, исключением был «Петергоф» на Моховой, где Разживин ввел дешевые блюда на каждый день, о которых публиковал в газетах. Сегодня в понедельник — рыбная сельанка с расстегаем. Во вторник — фляки... По средам и субботам — сибирские пельмени... Ежедневно шашлык из карачаевского барашка.

Были еще немецкие рестораны, вроде «Альпийской розы» на Софийке, «Билло» на Большой Лубянке, «Берлин» на Рождественке, Дюссо на Неглинном, но они не типичны для Москвы, хотя кормили в них хорошо и подавалось кружками настоящее пильзенское пиво.

Ресторан «Славянский базар». Фото 1900-х гг. [13]

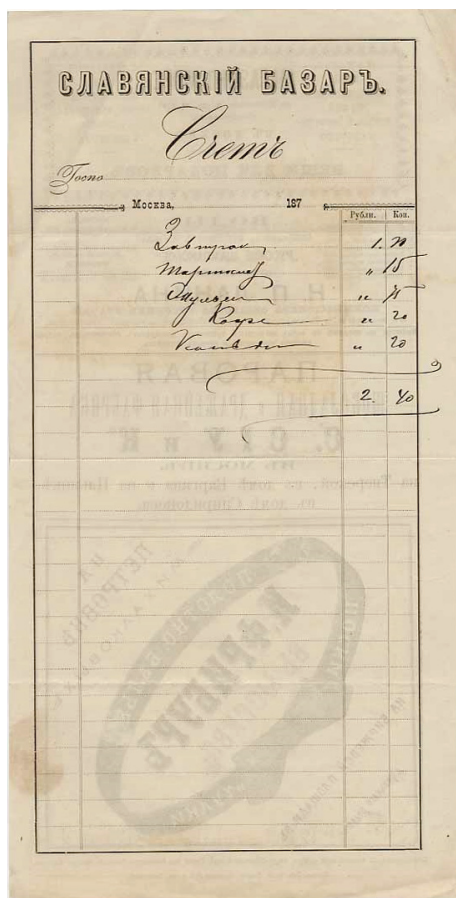
В.А. Гиляровский пишет, что в центре Москвы был только один «ресторан» — «Славянский базар», а остальные назывались «трактиры», потому что главным их посетителем был старый русский купец. Во всех трактирах прислуживали половые — ярославцы в белых рубахах из дорогого голландского полотна, выстиранного до блеска. Их называли «белорубашечниками», «половыми», «шестерками».

«Половые должны были иметь полдюжины белых мадаполамовых, а кто в состоянии, то и голландского полотна рубах и штанов, всегда свежей белизны и не помятых.

Старые половые, посылаемые на крупные ресторанные заказы, имели фраки, а в единственном тогда «Славянском базаре» половые служили во фраках и назывались уже не половыми, а официантами, а гости их звали: «Человек!» [1. С. 346–347, 359–360].

Обеды в ресторане были непопулярны, ужины тоже. Зато завтраки, от двенадцати до трех часов, были модными, как и в «Эрмитаже». Купеческие компании после «трудов праведных» на бирже являлись сюда во втором часу и, завершив за столом миллионные сделки, к трем часам уходили. Оставшиеся после трех кончали «журавлями».

Завтракали до «журавлей», — было пословицей. Она возникла не случайно. Когда богатая компания заканчивала трапезу шампанским и кофе с ликерами, она могла потребовать «журавлей». «Журавлем» назывался запечатанный хрустальный графин, разрисованный золотыми журавлями, в котором был превосходный коньяк, стоивший пятьдесят рублей. Некоторые даже коллекционировали эти пустые графины [1. С. 358–359].

Счет ресторана «Славянский базар»

Но прежде, чем продолжить разговор о «Славянском базаре», нельзя не сказать о его основателе, Александре Александровиче Пороховщикове. Это имя, сейчас мало кому известное, в свое время было более чем популярным. А.А. Пороховщиков — строитель и издатель, оди-

озная фигура для своего времени. Его называли выскочкой, даже человеком с сомнительной репутацией, так как в среде просвещенных интеллектуалов и бюрократов он был человеком очень неудобным, невосдержанным, едким и непредсказуемым. Личность этого человека вызывала самые противоречивые оценки на протяжении всей его жизни. И.Е. Репин отмечал его заразительную энергию, способность увлечь своими идеями, а И.С. Тургенев в одном из писем к Стасову назвал его прожектером и болтуном. К.П. Победоносцев и В.Г. Короленко с одинаковым возмущением писали о его дурных качествах, а крупный чиновник Министерства иностранных дел, статс-секретарь А.Ф. Гамбургер характеризовал Пороховщикова как человека добросовестного, знающего свое дело, пользовавшегося хорошей репутацией. Правда, высказывания, лестные для Пороховщикова, в основном относятся к более раннему периоду его жизни и деятельности (60–70-м гг. XIX в.), а более враждебные — к более позднему времени (1890-м гг. и к началу XX в.), когда он с головой окунулся в политическую и идейную борьбу, увязнув в страстях, склоках и идейных раздорах между различными партиями и направлениями тех лет.

Достоверные данные о Пороховщикове найти трудно. Даже даты рождения и смерти (1834–1914) вызывают сомнения. Известно, что он выходец из семьи потомственных дворян Московской губернии Пороховщиковых. С 1853 г. он служил в лейб-гвардии Семеновского полка, вышел в отставку в 1859 г. в чине штабс-капитана [2] и занялся строительными работами по подрядам. Ему удалось получить несколько выгодных казенных заказов на строительство и переустройство зданий для правительственных учреждений, таких как ведомство Святейшего Синода, Судебных установлений, Министерства иностранных дел. Работы получили высокую оценку, укрепили его репутацию и позволили ему накопить приличный капитал.

Много толков среди купечества торговой Москвы вызвала постройка Пороховщиковым на Ильинке на месте старинного новгородского подворья так называемых «Теплых ря-

дов», торговые помещения которых в отличие от помещений Гостиного двора отапливались и были быстро взяты в аренду гостинодворскими купцами [3].

Пороховщиков осуществляет организацию и проведение реконструкции здания Горного правления (бывшего дома Нарышкиных) для архива Министерства иностранных дел в Москве (располагалось на месте современной Российской государственной библиотеки). Новое здание задумывалось как памятник царствованию Александра II и министерству князя Горчакова и строилось основательно. Архитектором проекта был Г. Реймерс, помощник знаменитого архитектора К. Тона по постройке храма Христа Спасителя в Москве.

Строительство архива Министерства иностранных дел было начато в августе 1871 г. и шло три года. 22 июля 1874 г. здание было освящено. Пороховщиков ходатайствовал о награждении лучших рабочих и десятских, которым «назначены были одним медали, другим денежные награды». На торжестве открытия помимо царских сановников присутствовали многие крупные ученые, в том числе известный отечественный историк С.М. Соловьев, видный французский историк А. Рамбо, и много других ученых и деятелей культуры. 22 августа 1874 г. здание архива в сопровождении канцлера князя Горчакова посетил сам император Александр II.

В те же годы Пороховщиков берет за благоустройство московских мостовых, пыль от которых раздражала москвичей. Трагическим поводом для этого стала безвременная смерть от чахотки его молодой жены. По мнению лечивших ее врачей, одной из причин болезни стал воздух Москвы. Для строительства и мощения улиц московские строители использовали мягкий известняк, который быстро стирался и выветривался, образуя вредную для дыхания мелкую летучую пыль. Пороховщиков стал первым мостить улицы твердыми породами камня — диабазом и диаритом. Он также стал использовать асфальт для покрытия улиц. Качество его асфальта на Никольской улице было таким, что он выдержал без ремонта четверть века [4].

Но по складу своего характера он не мог удовлетвориться лишь деятельностью подрядчика. Проводя большие строительные работы для Святейшего Синода, он завел близкие знакомства со многими видными деятелями русской церкви. Его принимал московский митрополит Филарет, обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой. Он сближается с известными славянофилами — Катковым и Аксаковыми — и разворачивает активную деятельность в Славянском комитете и в Московской городской думе.

Славянский комитет возглавил движение, развернувшееся в поддержку борьбы братских славянских народов за освобождение от турецкого владычества. Как уполномоченный Славянского комитета Пороховщиков встречался с самыми высокопоставленными сановниками страны и был принят Александром II, о чем он позже расскажет в одной из своих «патриотических» брошюр [5].

Эти годы были звездным часом Пороховщикова, он казался себе крупным общественным деятелем, который должен взять на себя роль народного глашатая, борца за «истинное самодержавие», за русский путь развития России, доносящего истинное народное мнение до царя, минуя чиновников.

Он приобретает широкую известность в обществе, самые разнообразные связи в предпринимательских, церковных и правительственных кругах. Его избирают гласным в Московскую городскую думу, где он руководит двумя комиссиями по вопросам городского хозяйства.

Во время коронации Александра III Пороховщиков принимал активное участие в организации и руководстве охраной царя и его семьи, что свидетельствует о несомненном доверии и уважении к нему в кругах правительственных сановников.

Но и этого ему мало. Он хочет быть глашатаем идей, мессией, русским пророком и все больше времени отдает публицистической деятельности. В своих многочисленных брошюрах «патриотического» толка можно встретить предсказания об опасностях, угрожающих русскому самодержавию, если не внемлют его советам.

К концу царствования Александра III Пороховщиков переходит в явную оппозицию правящему режиму. Возможно он как человек остро и тонко чувствующий раньше многих заговорил о кризисе самодержавия в России и ломке поддерживающих его устоев. В укреплении истинно народных традиций путем прямого обращения царской власти к народу и единения с ним через голову бюрократии, опираясь на авторитет церкви, Пороховщиков усматривал особый, присущий только России, путь к спасению. Он писал: «Мы забываем главное, что в истории человечества нет образца, который мог бы служить наукой нам в деле устройства..., что колыбель России — Москва, не Рим, что тысячелетний выкормыш Москвы — колосс Россия — словно мир особый; что волею-неволею все особенное у него: и строй, и миссия, и люди, и дела» [6].

Он полагает, что одной из сил, способных сохранить Россию, является старообрядчество [7], а источником всех бед считает бюрократию. Особенно резко выступал он против политики, разрешающей все иностранному капиталу. По его мнению, это опустошало страну, подрывало духовные силы народа. Его критические высказывания в конечном счете вызвали раздражение во всех эшелонах власти. Газета «Русская жизнь», которую издавал Пороховщиков, в 1895 г. была окончательно запрещена. Власти больше не хотели его слушать. Но он не сдавался. В.Г. Короленко в своем дневнике описывает один любопытный эпизод. В конце 1895 г. Пороховщиков выпустил брошюру «Самодержавие на Святой Руси накануне XX века. Его расхищение, обезличивание и восстановление». Чтобы миновать цензуру, он опубликовал ее в Лейпциге, в издательстве Брокгауза и разослал членам царского дома, русским послам при иностранных дворах, членам Государственного Совета, сенаторам, предводителям дворянства и другим — по самому широкому списку. В конце он указал свое местожительство и заявил, что готов дать какие угодно разъяснения, если таковые потребуются [8].

Книга вызвала возмущение в высших кругах. Жандармам было дано указание срочно ее

изъять. Однако было уже поздно, так как она была разослана по почте большому числу людей и вызвала самые разнообразные отклики.

Не прибавил ему популярности и хорошо разрекламированный им проект строительства так называемых «огнестойких поселков» в центральной России, которые бы заменили крестьянские деревянные избы с соломенными крышами, часто страдающие от пожаров. Новые дома предполагалось строить из дешевого огнестойкого материала, прежде всего глины, которая всегда в изобилии под рукой, по образцу глиняных построек. Стоит отметить, что «глинобитки» во второй половине XVIII в. строил и пропагандировал Н.А. Львов.

Проект Пороховщикова был слабо просчитан экономически, не учитывал в достаточной мере ни строительного материала, ни климатических условий центральной полосы, ни самого образа жизни русских крестьян центральной России, веками живших в деревянных избах и не готовых быстро изменить свой уклад, и, естественно, вызвал негативную реакцию со стороны либеральной интеллигенции. В идее Пороховщикова увидели попытку вернуть крестьянскую жизнь в России к самым примитивным, чуждым ей формам. А некоторые обвиняли Пороховщикова в откровенной спекуляции для личного обогащения.

В последние десятилетия жизни этого незаурядного человека вокруг его личности и деятельности складывалась атмосфера широкого общественного осуждения, а сам Пороховщиков мучительно переживал отсутствие общественного признания. После смерти его имя надолго было предано забвению.

А в 60-70-е гг. XIX Пороховщиков полон сил, в «Москве происходило усиленное стремление к славянам...» [9]. Поэтому, задумав построить большой торгово-гостиничный центр на Никольской, он назвал его «Славянский базар». Комплекс состоял из гостиницы, концертно-лекционного зала и торгового помещения. Гостиница с залом располагались в здании по линии Никольской улицы, а торговый зал — позади него во дворе. В 1869 г. было вынесено определение

Святейшего Синода: разрешить «перестроить за счет сумм Синода, принадлежавших Московской Синодальной типографии, так называемый Шереметевский дом на Никольской улице по проекту профессора архитектуры Р.А. Гедике. Гедике изменил фасад здания и надстроил на нем третий и мансардный этажи, а во дворе построил полукруглое в плане торговое здание. Ему же, возможно, принадлежит и внутренняя отделка гостиницы, следы которой еще кое-где сохранились: так, на третьем этаже над лестничным проемом на потолке есть лепное украшение, где виден вензель «АП», т.е. «Александр Пороховщиков». Возведение «Славянского базара» срочно заканчивали к открытию Политехнической выставки 1872 г., приуроченной к празднованию двухсотлетия со дня рождения Петра Великого. Газета «Русские ведомости» писала, что «работа кипит здесь и день, и ночь, живо, толково, с энергией, едва ли виданной в сонной и ленивой Москве».

В здании гостиницы находился большой зал — «Русская беседа», с затейливой деревянной отделкой по мотивам русской крестьянской резьбы, столь популярной в те годы, подобной той, которая украшает дом Пороховщикова в Староконышенном переулке, 36, построенный в 1871 г. архитектором А.Л. Гуном. Он же отделывал «Русскую беседу» на Никольской (совместно с П.И. Кудрявцевым). Зала, рассчитанная на 450 мест, была двухсветной. На стенах, покрытых полированными изразцами, висели портреты «тех московских граждан, которые оставили после себя следы истинной благотворительности». По словам корреспондента газеты «Русские ведомости», по вечерам зала освещалась «тремь солнцами», выписанными из Лондона, электрическими лампами, свет которых после обычных свечей казался сравнимым с солнечным. Критик В.В. Стасов очень высоко оценивал новую постройку: «В высшей степени интересна и поразительна русская зала «Славянского базара» в Москве, не имеющая себе подобных во всей Русской империи, — так она изящна и нова...».

Для «Русской беседы» Пороховщиков заказал большую картину «Славянские композиторы». Он обратился к Константину Маковскому,

но тот запросил 25 тысяч, а молодой Илья Репин выполнил этот заказ за полторы тысячи рублей. Список персонажей был составлен Николаем Рубинштейном, непревзойденным авторитетом музыкальной Москвы. Теперь картина Репина находится в фойе Московской консерватории.

Комплекс «Славянского базара» был центром движения за объединение славян. Поэтому его открытие стало триумфом и для самого Пороховщикова. «Пороховщиков, — писал И. Репин, — знал людей и умел шевелить москвичей — и низшие и высшие слои были им сильно возбуждаемы по надобности... К назначенному часу открытия (23 апреля 1872 г.) вечером зашипели шегольские шины красивых карет; великолепные гайдуки, ливрейные джентльмены в высоких цилиндрах, разодетые дамы и панство, панство без конца; все уже дворянство стало, о «степенствах» и помину уже не было; мундиры, мундиры! А вот и само его преосвященство. Сколько дам, девиц света в бальных туалетах! Французский, даже английский языки, фраки с ослепительной грудью. Появился даже некий заморский принц с целой свитой; сам высокого роста в кавалерийском уланском мундире. Пороховщиков торжествует. Как ужаленный он мечется от одного высокопоставленного лица к другому, еще более высокопоставленному...» [9. С. 215].

В гостинице было 68 номеров стоимостью от полутора до десяти рублей в сутки, еще 12 кабинетов для заказных обедов и ресторан. Ресторан возник не сразу. Первоначально гостиница соединялась со стоявшим во дворе полукруглым зданием, которое было отведено для торговли. Там по периметру находилось пятьдесят магазинов без окон и дверей, только с решетками. И если гостиница привлекала все больше и больше постояльцев, среди которых были П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков, Г. Успенский, В.В. Стасов и др., торговый базар не пользовался популярностью, и в 1873 г. его переделали в ресторан, а для освещения здание накрыли стеклянной крышей. Все работы производил архитектор А.Е. Вебер, которого Пороховщиков выписал из Вены. Частый переплет

стеклянного потолка был поводом для разного рода анекдотических рассказов. Один из них был записан В.А. Гиляровским: «Сидели однажды в «Славянском базаре» за завтраком два крупных афериста. Один другому и говорит: «Видишь, у меня в тарелке какие-то решетки... Что это значит? Это значит, что не минешь ты острога! Предзнаменование!» — А в тарелке ясно отразились переплеты окон стеклянного потолка» [10].

Однако зала ресторана производила неизгладимое впечатление. Вот как описывал ее писатель П.Д. Боборыкин: «Зала, переделанная из трехэтажного базара, в этот ясный день поражала приезжих из провинции, да и москвичей, кто в ней редко бывал, своим простором, светом сверху, движением, архитектурными подробностями. Чугунные выкрашенные столбы и помост, выступающий посредине, с купидонами и завитушками, наполняли пустоту огромной машины, останавливали на себе глаз, щекотали по-своему смутное художественное чувство даже у заскорузлых обывателей откуда-нибудь из Чухломы или Варнавина. Идущий овалом ряд широких окон второго этажа, с бюстами русских писателей в простенках, показывал изнутри драпировки обоев под изразцы, фигурные двери, просветы площадок, окон, лестниц. Бассейн с фонтанчиком прибавлял к смягченному топоту ног по асфальту тонкое журчание струек воды. От них шла свежесть, которая говорила как будто о присутствии зелени или грота из мшистых камней. По стенам пологие диваны темно-малинового трипа успокаивали зрение и манили к себе за столы, покрытые свежим, глянцево-выглаженным бельем. Столики поменьше, расставленные по обеим сторонам помоста и столбов, сгущали

трактирную жизнь. Черный с украшениями буфет под часами, занимающий всю заднюю стену, покрытый сплошь закусками, смотрел столон богатой лаборатории, где расставлены разноцветные препараты. Справа и слева в передних стояли сумерки. Служители в голубых рубашках и казакинах со сборками на талье, молодцеватые и степенные, молча вешали верхнее платье. Из стеклянных дверей виднелись обширные сени с лестницей наверх, завешанной триповой веревкой с кистями, а в глубине мелькала езда Никольской, блестя вывески и подъезды» [11].

По мнению В.И. Немировича-Данченко, «ресторан при гостинице «Славянский базар» был как бы серьезнее других...» Его предпочитали артисты Малого театра, где бенефицианты и авторы угощали актеров ужином.

В этом ресторане произошла судьбоносная встреча В.И. Немировича-Данченко и К.С. Станиславского, закончившаяся на собственной даче Алексеевых в Любимовке, после которой оба собеседника начали работать над созданием Художественного театра.

Здесь же певец частной мамонтовской оперы Федор Шаляпин встретился с представителем императорских театров В.А. Теляковским, который предложил ему петь на императорской сцене.

При советской власти ресторан закрыли, и только в 1966 г. открыли вновь.

А в ночь на 21 декабря 1993 г. в здании на Никольской случился пожар, от которого пострадали находившийся там театр Покровского, ресторан и несколько фирм. После пожара ресторан закрыли на ремонт, который до сих пор не закончился.

Литература

1. Гиляровский В.А. Собр. соч. Т. 3. Москва и москвичи. М.: 1960. С. 341–341.
2. Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб.: 1883. Т. 2. С. 140–141.
3. История Москвы. Т. 4. М.: 1954. С. 170.
4. Рогачев А. Мечтатель и творец. Былое. 1994. № 3. Март. С. 14.
5. Пороховщиков А.А. Мировая задача наших дней. СПб.: 1904. С. 3.
6. Пороховщиков А.А. Соль земли. М.: 1905. С. 28.
7. Пороховщиков А.А. Чем победили старообрядцы. М.: 1905.
8. Короленко В.Г. Дневник. Харьков: 1927. С. 212.
9. Репин И. Далекое и близкое. М.: 1960. С. 215.
10. Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 358.
11. Боборыкин П.Д. Китай-город. М.: 1985. С. 97.
12. Иллюстрация: «Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади». М.: Искусство, 1982. С. 377.
13. <http://dedushkin1.livejournal.com/421309.html>. Дата обращения: 10.07.2010.